

ПРОЛОГ

Флоренция, январь 1502 г.

Его нельзя было назвать высоким: крепкий и жилистый, он был всего лишь на дюйм выше Мариэтты. Свои черные как сажа волосы он стриг коротко, не по моде; лицо его, широкое вверху, начинало сужаться в области скул и заканчивалось клиновидным, гладко выбритым подбородком. С первого взгляда он казался похожим на ласку. Однако, как ни странно, это не оттолкнуло ее. Мариэтта Корсини уже знала, что ее будущий муж умен, что он трудится на благо республики, а ведь всем известно, что таким людям нужна большая голова; и он сумел рассмешить ее за несколько минут. Еще он заставил ее покраснеть: было что-то в его ярких глазах, сосредоточенном взоре — почти животное, словно он раздевал ее взглядом. К тому моменту, как они попрощались после первого свидания, она уже была влюблена, и за полгода брака ее чувства не изменились.

Он уходил каждое утро на рассвете. Поначалу она надеялась, что ее зрелое пышное тело соблазнит его хоть ненадолго задержаться. Во Флоренции часто рассказывали о женатых мужчинах, которые вставали рано лишь для того, чтобы навестить любовницу, а он прославился своим сластолюбием. Однако, даже если это было так, она ничего не могла поделать, особенно если учесть, что муж покидал ее задолго до того, как выходил за дверь.

На самом деле Никколо Макиавелли оставлял сладкое семейное гнездышко не ради другой женщины (он запросто мог навещать ее по дороге домой), а потому, что дневные депеши приходили во дворец Синьории очень рано, и одна из величайших радостей в его жизни — равно как и обязанность — заключалась в том, чтобы читать их едва ли не первым.

Путь его лежал вниз по улице Гвиччардини на южной стороне города, через реку Арно, через мост Понте Веккьо. Волшебный зимний снег превратился в грязный лед, который потрескивал под ногами, словно он ступал по мелким звериным косточкам.

Вот, на мосту уже как раз разгружали свежие туши, чтобы доставить в мясные лавки. Сквозь открытые ставни он видел отрезок реки, и ее поверхность в лучах восходящего солнца напоминала посеребренный абрикос. Дорогу ему перебежал бездомный пес, желавший урвать порцию требухи, валявшейся у колеса повозки. За свою дерзость он тут же поплатился, получив пинок под ребра, но челюстей не разжал. «Падальщик-оппортунист, — с некоторым восхищением подумал Никколо. — Нацепи на него шляпу с пером, дай в руки меч — и он захватит половину страны. Когда было то дело в городе Фермо? На Рождество, верно?» Он сам распечатал депешу: «любимый» племянник герцога пригласил дядю на ежегодный обед, затем закрыл двери и зарубил его вместе со всеми советниками, после чего унаследовал титул. Сотрудники канцелярии бились об заклад, сколько пройдет времени до следующей кровавой трапезы, но Никколо ставил на узурпатора. Этот человек, несомненно, убийца, но при этом он состоял в армии Цезаре Борджиа, что делало его убийцей с могущественными союзниками.

Перейдя мост, он миновал церковь Сан-Пьер-Скераджио и вышел на открытую площадь Синьории, большую часть которой занимал роскошный дворец правительства, украшенный зубцами. Слева от главного входа стояла выдавшая виды бронзовая статуя: Юдифь, спокойная, сосредоточенная, с занесенным мечом в правой руке готовилась перерубить шею Олоферну, скорчившемуся у ее ног. Никколо молча отдал ей честь. Некоторых его знакомых в правительстве пугал тот факт, что их каждый день встречала женщина, вершащая правосудие над мужчиной, однако они упускали самое главное. Статуя Донателло, похищенная из дворца Медичи и установленная здесь восемь лет назад, находилась тут неспроста: она напоминала Флорентийской республике о необходимости больше никогда не допустить диктатуры одной-единственной семьи.

Как это ни прискорбно, зазор между идеалом и реальностью в политике был достаточно велик, чтобы вскружить голову большинству мужчин. Если бы Юдифь подняла взор, она увидела бы то место на площади, где сожгли монаха-доминиканца Савонаролу, чья фанатичная преданность божественным законам пре-

вратила его в тирана иного рода. Всякий раз, когда Никколо проходил мимо таверны, где какой-нибудь повар-растяпа умудрялся спалить тушу на вертеле, отвратительный сладковатый запах горелого жира и мяса возвращал его в тот день. Он стоял в гуще толпы, пытаясь разглядеть поверх плеч высоких мужчин, что же там происходит. Никогда прежде на его глазах людей не сжигали заживо — во Флоренции не склонны к подобному варварству, — и, прежде чем подпалить хворост, Савонаролу удушили гарротой, чтобы он перестал кричать. Толпа тоже хранила пугающее молчание. Никколо заставил себя остаться до самого конца и наблюдал за тем, как солдаты собрали все до единой косточки и пепел, а затем выбросили в реку, дабы не осталось ничего, что можно было бы превратить в реликвию.

Тогда он знал, что Флоренцию ждет непростое время, что после такого безумия ей необходимо возродить республику. И если на людях он вел себя уверенно — потому что такова его работа, — в глубине души его терзали серьезные сомнения.

Он проскользнул во дворец через боковой вход, перекинулся шуткой с заспанным стражником, прежде чем подняться по винтовой лестнице, пройти через большой центральный вход, а затем через еще один пролет — в комнаты Совета и кабинеты. Его стол стоял в небольшой прихожей, в стороне от главного зала с его позолоченным деревянным потолком и стенами, расписанными узорами из флорентийских ирисов. Внутри было почти так же холодно, как и снаружи. Когда соберутся избранные члены Совета, повсюду зажгут жаровни и камины, однако его, наемного работника, согревала только собственная глиняная бутылка, и ему приходилось постоянно посылать кого-то, чтобы ее снова наполнили горячей водой, иначе его ноги быстро превращались в ледышки. Он сделает это позже: сломав печати на дневной почте, он перестанет ощущать холод.

Такова работа Никколо, главы второй канцелярии и секретаря Совета Десяти по вопросам свободы и мира, — быть в курсе всех подвижек и перемен на политической карте страны. Подобные вещи приводили его в восторг, сколько он себя помнил. Ему было едва ли больше тринадцати, когда отец положил перед ним только что отпечатанную копию «Истории Рима»

Ливия, и, как всякая первая любовь, она изменила его мировоззрение.

«Это самое дорогое из всего, что есть сейчас в этом доме, слышишь меня? В случае пожара лучше надейся на себя, ибо эту книгу я спасу первой». Вот такой сухой юмор был у его отца.

Иногда он задумывался о том, что сказал бы Ливий о современной Италии. А сам он представлял себе полуостров в виде огромного потрепанного сапога, свисающего с Альп, кожа которого покрылась пятнами и выцвела в ходе превратностей истории. На севере, уже во второй раз за это десятилетие, города заняла французская армия, французы правили Миланом и держали под своей сенью с дюжину государств поменьше, расположенных неподалеку. На побережье Адриатики раздувалась от самомнения Венеция, кичась своим богатством и победами над турками, в то время как земли на юге в основном находились под контролем Испании, если не считать нескольких разрозненных старых французских крепостей.

Но то, что творилось в центре, наверное, привело бы Ливия в полнейший восторг.

Стремительность и жестокость, с которой поднялись Борджиа, удивила всех. Конечно, престол в Риме и раньше занимали беспринципные папы, люди, втайне пользовавшиеся богатством своих «племянников» или «племянниц». Но сейчас происходило нечто иное. Сейчас папа римский Александр VI открыто признал своих внебрачных детей и использовал их для того, чтобы создать новую могущественную династию. Его старший сын Чезаре, который когда-то был кардиналом, теперь маршировал во главе наемных войск, захватывая одно за другим города-государства, исторически принадлежавшие Церкви, в то время как дочь Александра Лукреция превратилась в семейный капитал, который вкладывали в выгодное замужество.

В двух дневных депешах содержались свежие новости о деяниях Борджиа. Сейчас Лукреция следовала через всю Италию в сопровождении эскорта размером с небольшую армию к своему третьему мужу, наследному герцогу Феррары. Тем временем папа и его сын, совершив круг почета в честь своих последних завоеваний — государства Пьембино и острова Эльба, —

торопились вернуться по воде обратно в Рим. Сколько времени пройдет, прежде чем они окажутся на месте? Если ветер будет попутным, они доберутся раньше, чем по любой зимней дороге, хотя лично он не выбрал бы такой способ передвижения. Что ж, по крайней мере, остальная часть Тосканы ненадолго вздохнет с облегчением: пока герцог в море, он не сможет возглавить армию на суше.

Никколо перевязывал депеши ленточкой, готовясь к утреннему совещанию в Совете, когда услышал звук большого колокола собора Санта-Мария-дель-Фьоре, отмечавший начало нового дня. Мысли его тут же обратились к мастерской при соборе, где флорентийский скульптор Микеланджело провел последние девять месяцев, с одобрения государства высекая из глыбы мрамора гигантскую статую Давида, которую намеревались установить на фасаде собора. В мастерскую никого не пускали, но слухи, которые просачивались повсюду, говорили скорее об огромном размере статуи, нежели о ее красоте. Там будет видно, достаточно ли сильным окажется этот Давид, чтобы защитить город от Голиафа Борджиа.

Когда стихли последние отзвуки колокольного звона, откуда-то неподалеку послышался приглушенный мужской вопль. Что происходит, интересно: позднее совокупление под простынями, или кто-то получил несколько ударов ножом в живот с утра пораньше? Никколо улыбнулся. Таков голос его любимого города, и, поистине, таков голос всей Италии.